

ОТНОШЕНИЕ КРЕСТЬЯН ВЯТСКОЙ И ПЕРМСКОЙ ГУБЕРНИЙ К АГРАРНОЙ РЕФОРМЕ 1906–1917 гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ)

Правительственные мероприятия в аграрном секторе начала XX в. нашли отклик со стороны значительной части уральского крестьянства. Так в Пермской губернии с различного рода заявлениями об изменении формы землевладения и землепользования в государственные учреждения в 1906–1914 гг. обратилось 39 % крестьян-домохозяев. Причем за 1912–1914 гг. ежегодный показатель по губернии вырос в 2,7 раза по сравнению с периодом 1907–1911 гг.¹ Это было обусловлено расширением аграрного законодательства, повышением эффективности деятельности земских начальников и чинов землеустроительных комиссий, увеличением доверия к правительственным мероприятиям со стороны крестьянства.

В 1907–1908 гг. в местной печати широко была представлена позиция сельского населения относительно намеченных перспектив реформы. Например, в «Вятской газете» в рубрике «Письма крестьян по земельному вопросу» с января по март 1907 г. было опубликовано восемь крестьянских писем, посвященных анализу готовности губернии к переменам и отражающих существовавшие настроения. По меткому выражению постоянного корреспондента «Пермской земской недели» крестьянина Осинского уезда И. Тимшина настроения уральских сельских тружеников этого периода можно было охарактеризовать как «домохозяин на распутье»². Авторы публикаций из крестьянской среды со всей серьезностью подошли к вопросам о необходимости сохранения общины и о возможностях образования «хуторского» и «отрубного» хозяйства. Озабоченность большинства из них по поводу расселения на «хутора» вызывали вопросы, связанные с пожаротушением, обезземеливанием, дальнейшим взаимоотношением общинников и «выделенцев» («отрубников» и «хуторян»). Например, котельнический корреспондент газеты «Вятская речь» под псевдонимом «Наблюдатель» сообщил что «В ночь на 26 октября (1910 г. – О. С.) у крестьянина дер. Мишотины Ф. Вохмянина сгорело догла 2 дома. Нельзя не отметить при этом скорую, дружную и быструю помощь, которую оказала погорельцу община. Через день после пожара на месте пожарища работали бесплатно и без водки все соседи из деревни до 30 дворов. Будет ли так дружна помощь, когда община разрушится и если не все, то большая часть расселится на хутора?»³

Вятский крестьянин В.С. Созинов утверждал, что новая реформа принесет с собою в деревню «вражду общественную», так как «крестьянин безусловно станет в тупик, когда увидит, что закон 9 ноября во всякое время может нарушить срок и порядок пользования землей. А такая ломка понижает урожайность, убивает энергию и желание удобрять землю»⁴.

Пермский крестьянин С.И. Б-ин из Оханского уезда рассуждал: «Прежде всего, при общине у нас земля равняется на всех одинаково, никто не может забрать ее в излишек, и никто не может совсем обезземелиться, что является общим спасением для слабых хозяйств»⁵.

Из публикаций крестьянских писем видно, что положительную перспективу подворному землевладению при сохранении некоторых условий прежнего землепользования предрекали преимущественно деревенские жители промышленных районов и северных уездов Урала. Например, крестьянин Глазовского уезда С. Матушкин писал, что необходимо «закрепить законом за каждым крестьянином ту землю, которой он владел до Манифеста о сложении выкупных платежей, в вечное владение в том виде, как он пользовался ею, т. е. которыми полосами он владел, то они и должны числиться его собственностью. Уничтожить чересполосность невозможно, особенно в нашей местности, т.к. у нас почва неодинаковая; да и в этом нет и надобности, потому что если земля истощена и неудобрана, то хоть соедини все полосы в одно место, родить лучше не будет. По моему при подворном владении землей не было бы таких несправедливостей по отношению к отдельным домохозяевам»⁶. Другой крестьянин этого же уезда заявлял: «Хуторское расселение безусловно полезно, потому что в большинстве селений бывают далекие поля. Затем почти в каждом обществе есть опытные сведущие крестьяне, которые могли бы показать пример своим соседям, как улучшить свое хозяйство, но при теперешних условиях им нет воли развернуться на своей земле, хорошо удобрить ее и как следует приложить к ней руки. Таких передовых крестьян связала община. Поэтому расселение и желательно, но расселение не по одному крестьянину на участок земли, а артелями, семей от 10 до 15 не менее. При одиночном расселении явиться много дорог, а они займут много места»⁷.

Несомненно, что в первом письме из Глазовского уезда присутствует субъективный расчет на помощь государства в надежде закрепить площадь надела, существовавшую до 1906 г. (видимо, ранее она была достаточно большой в силу перераспределения земли в общине по хозяйственной состоятельности, но после уменьшения государственных налогов в первые годы XX в. у «мира» появилась возможность вновь вернуться к справедливой (уравнительной) разверстке). Тем не менее, также как и вторая публикация, оно свидетельствовало о присутствии в среде уральского крестьянства тех, кто тяготился в вопросе распоряжения наделной землей зависимостью от общинной организации. Также в последнем письме, по сути, содержится ответ и на вопрос связанный с сохранением социальной функции «мира» (прежде всего, возможности быстрой помощи конкретному хозяйству, оказавшемуся в бедственном положении) в процессе расселения. Он строился на некоторой корректировке предложенной правительством программы. А именно в условиях «дальнеземелья» сделать упор не на выдел отдельных хозяйств, а на формирование «выселок» из нескольких дворов на «окольных» полях (которые, чаще всего, были запущены в залежь, сдавались в вынужденную аренду или вообще заброшены).

Публикации также свидетельствуют о наличии в крестьянской среде рационального подхода в вопросе выхода из общины. Так постоянный автор «Вятской газеты» Анин писал: «Мы имеем право выделиться из общины, но ведь одного права мало, надо иметь деньги, нужны опытные руководители»⁸.

По мнению жителей южных уездов, препятствиями широкому распространению единоличных хозяйств являлись разнородность почвы и недостаточное обводнение территории (хотя уральские территории были достаточно хорошо обеспечены водными ресурсами). Из письма вятского крестьянина под псевдонимом «П. И.» следовало, что: «Хуторское владение возможно устроить в очень редких местностях нашего государства, а тем более у нас в Вятской губернии. Качества наших земельных владений крайне разнообразны»⁹. Крестьянин Яранского уезда в письме от 14 дек. 1906 г. отметил, что: «Подворное или хуторское землевладение действительно хорошо, но только в том случае, когда хутор находится вблизи реки и на хорошей земле. Подворное землевладение у нас сделать невозможно. Я возьму, к примеру, свою деревню в 33 двора. По нашим полям речки никакой не протекает. Придется наши 3 поля разбить на 33 участка. Привольных участков будет не более 7, а остальные 26 будут на разнообразных почвах...да еще от речек версты за 3...и пойдут без хлеба с котомкой. Продадут свои хутора богатым, которые на хорошей земле разбогатели. Нам не надо подворного владения. Мы от него разоримся еще хуже, чем теперь»¹⁰.

Защитники общины также настаивали на ее возможности к трансформации по внедрению инновационных технологий в практике землепользования: «Для нас общинное владение землею самое целесообразное и выгодное. Уничтожить чересполосицу со всеми ее отрицательными сторонами, ввести многополье и травосеяние и другие улучшения в крестьянском хозяйстве совсем не так уж трудно, как утверждают противники общины»¹¹.

В целом данные периодической печати свидетельствуют о том, что реформа вызвала живой интерес у крестьян. В их письмах содержатся не односторонние оценки политики правительства, а присутствуют попытки анализа перспектив общинного и участкового землепользования, тесно связанные с традиционными представлениями на общинный институт и с уездными, и, более того, волостными природно-климатическими и экономическими особенностями. В дальнейшем это обстоятельство проявилось в поездных отличиях крестьянской активности.

Примечания:

¹ Подсчитано по: Отчетные сведения о деятельности землеустроительных комиссий Пермской губернии на 1 января 1915 года. Пермь, 1915. С. 48, 49

² Пермская земская неделя: Еженедельник Пермского губернского земства. 1907. 3 мая. С. 5

³ Община и взаимопомощь // Вятская речь. 1910. 19 ноября. С. 3

⁴ Отрицательные стороны личной собственности на землю по закону 9 ноября // Вятская речь. 1910. 1 мая. С. 3

⁵ Пермская земская неделя. 1907. 21 декабря. С. 7.

⁶ Вятская газета. 1907. 25 января. С. 53.

⁷ Там же. 25 января. С. 54.

⁸ Там же. 8 марта. С. 202.

⁹ Там же. 15 марта. С. 235–236.

¹⁰ Там же. 25 января. С. 52.

¹¹ Там же. 15 марта. С. 235–236.